

СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ ШИРОКОВ

18 марта 2010 года на 78-м году жизни умер Станислав Васильевич Широков. Он скончался тихо, во сне. Вся его жизнь была связана с Московским Планетарием и поэтому тоже, казалось бы, должна быть простой, ясной и гармоничной. Но это не так.

Фигура Широкова и в Московском Планетарии, и в планетарском движении всей России всегда была яркой и всегда находилась в центре внутренних событий и течений, порой весьма драматических.

Широков было необычайно одаренный человек. Это сказывалось в том, что он, человек, не получивший специального астрономического образования (окончил философский факультет МГУ), настолько глубоко проник в основы и тонкости астрономической науки, что без труда общался на самые сложные научные темы с самыми видными специалистами. Но его задача была другая — сделать эти сложные истины, добытые на передних рубежах человеческой мысли доступными хотя бы в сущности своей тем людям, которые не имеют возможности изучить их путем систематического образования, но хотят в этих вопросах разбираться, поскольку эти вопросы напрямую касаются устройства того мира, в котором мы живем.

Вообще говоря, это и есть основная задача планетария, для этого он был и придуман. И Станислав Васильевич решал эту задачу не просто успешно, а блистательно. Его слушатели уходили от него не только со сведениями научного характера, но и с эмоциональными впечатлениями от тех образов, в которые он облакал свое повествование. Старинное слово «красноречие» было применимо к нему в самом высоком смысле. Он говорил не только точно, но и красиво, великий русский язык в его устах казался специально приспособленным к раскрытию небесных истин.

С этим связана и другая характерная особенность Широкова как лектора — его широчайшая общекультурная эрудиция. Он свободно ориентировался среди величайших культурных ценностей человечества — Библия, античность, Возрождение, русская литература были для него родной землей, которую он знал вдоль и поперек и в любой момент мог обратиться к нужному для него образу. Он всегда рассматривал астрономию не только как область знания, но и как часть мировой культуры; свои лекции и программы строил как научно-художественные композиции. Близкое знакомство с классической музыкой позволяло ему всегда самому подбирать музыку к этим своим композициям. Точно так же он относился ко многим нетрадиционным для Планетария формам представлений — литературным и театральным спектаклям, концертам, поэтическим вечерам.

Широков был замечательный педагог. Когда «специалисты по образовательным технологиям» говорят: «Мы — педагоги», всегда можно задать им обескураживающий вопрос: «Где ваши ученики?». Для Широкова такой вопрос был бы праздным. Очень и очень многие современные специалисты-астрономы начинали свой путь не с поступления в МГУ, а с поступления в Астрокружки Московского Планетария. Там они получали не только первые навыки научной работы, но и привычку относиться к своей области занятий не только как к одному из возможных жизненных путей, но как к самому высокому и прекрасному, чем они могли бы заниматься в жизни. И корни такого отношения лежали в общении с руководителями кружков, и в очень значительной степени со Станиславом Васильевичем Широковым.

Широков отнюдь не был традиционалистом в области планетарской работы. Он как никто другой ощущал возможности (и важность!) внедрения в эту работу последних технологических достижений. Пионером внедрения автоматизированных (компьютерных) программ в Планетарии был именно он — и это именно в те времена, когда среди лекторов планетария преобладала точка зрения о превосходстве лекции над программой. Потому что там, дескать, «прямое общение». Хорошенькое общение —

в сотый раз бубнить в затылки сидящей в темном зале публики один и тот же текст, рискуя оговориться или нажать не ту кнопку на пульте управления. Компьютер этого себе не позволяет. А пообщаться можно и после лекции, отвечая на вопросы.

Впрочем, сам Широков не допускал ошибок и при устных выступлениях. У многих в памяти останется его фигура, почти танцующая за пультом в момент сложной демонстрации. Это было как исполнение виртуозного пассажа в музыкальном произведении. Пульт в этот момент смотрелся как орган.

Однажды я вошел в зал, когда лекция Широкова только что началась. На небе была слабая подсветка, чтобы глаза зрителей успели адаптироваться к темноте. Слов лектора я не слушал. Вдруг раздался щелчок, и на куполе вспыхнула одна-единственная линия — небесный меридиан. В зале раздались аплодисменты. Слов Широкова я, повторяю, не слышал. Как он это сделал, не понимаю до сих пор. Но это было.

Жизнь С.В. Широкова в стенах Московского Планетария не была сладкой. Человек незаурядный и просто талантливый, он, конечно же, должен был тяжело переживать «руководящие указания» начальства — отставных полковников, средней руки бизнесменов или бездарных «юристов» из общества «Знание». (Он его так и называл: «Общество Знание в кавычках»). Но Планетарий был для него не местом работы, а скорее образом жизни, вне его он себя не мыслил. Поэтому и не ушел никуда во времена последнего погрома Планетария, учиненного московскими деловыми кругами при попустительстве городских властей. И, казалось, дожил до своего часа: Планетарий обещали открыть к концу этого года, и закупить новейшее оборудование, и он начал готовить первые программы нового Планетария — потому что, правду сказать, кроме него этого никто и не умел. Его смерть — некая космическая несправедливость. Именно он был достойнее других того, чтобы дожить до открытия нового Московского Планетария. Будем надеяться, что если этот новый Планетарий всё же удастся открыть без него — имя Станислава Васильевича Широкова не будет там забыто.

**В. И. Цветков,
коллега С.В. Широкова по Московскому Планетарию**